

В. БИЛЬБАСОВ

Памяти Императрицы Екатерины II

(1796— 6 ноября 1896)

В четверг 6 ноября, вечером, Екатерина умерла. Смерть не исполнила ее желания: «Когда пробьет мой час — писала она, — я удалю от своего смертного одра всех слабонервных — пусть только закаленные сердца и улыбающиеся лица присутствуют при моем последнем вздохе. Между тем, крепкое сложение и здоровое тело боролось более суток и лишь спустя 35 часов после поразившего ее удара отлетел этот последний вздох. Современники, родные по крови и близкие по сердцу, противные по чувству и чуждые по уму, все, без различия, с одинаковым ужасом, рыдая, смотрели на бездыханный труп императрицы. Мы, потомки тех неложных свидетелей и деятельных участников ее царствования, мы и спустя сто лет с сокрушением поминаем тот печальный день, когда перестало биться сердце, горячо любившее Россию.

Екатерина всем обязана России — почетом, могуществом, славою, решительно всем, даже своим именем. Могла ли она не любить Россию? Кто знал, кто интересовался немецкой принцессой Софией-Фредерикой из захудалого ангальт-цербстского рода? Кто не знал, кто не преклонялся пред всероссийской императрицей Екатериной Второй? Германский император Иосиф II сам испытал и собственноручно засвидетельствовал значение этого превращения: в интимной записке к своей матери, Марии-Терезии, он называет Екатерину «ангальтинкой»; в служебном письме к Кауницу — *la princesse de Zerbst Catherinisée*, и в предсмертном послании к Екатерине II, тот же Иосиф называет себя *le plus loyal de ses amis et le plus juste de ses admirateurs* и молит русскую императрицу помочь его преемнику и поддержать его монархию¹.

«Ангальтинка» вполне сознавала, чем она обязана России, и всецело посвятила себя своему новому отечеству. Она бесповоротно отказалась от своего родового гнезда, искренно отреклась от лютеранства и всем сердцем прилепилась к православной России. Не фальшивую нотою, не пустою фразою звучит ее все-народное исповедание в одном из первых ее манифестов по воцарении: «Не снискание высокого имени обладательницы Российской; не приобретение сокровищ, которыми паче всех земных нам можно обогатиться; не властолюбие и не иная какая корысть, но истинная любовь к отечеству понудила нас принять сие бремя правительства. Почему мы не токмо все, что имеем или иметь можем, но и самую нашу жизнь на отечество любезное определили, не полагая ничего себе в собственное, ниже служа себе самим, но все труды и попечения подъемлем для славы и обогащения народа нашего»². Екатерина сдержала свое слово, и Россия, действительно, многим ей обязана.

Заслуги Екатерины относительно России лучше всего определяются сравнением ее деятельности с трудами Петра Великого. В этом случае сравнению подлежат однородные величины, но поставленные в разные условия. Они «пахали одну борозду», и результат их деятельности ясен и может быть точно определен.

Та Русь, которую принял первый император, и та Россия, которую оставила по себе последняя императрица — две величины совершенно разные. Географическое положение Московии в конце XVII столетия имело довольно жалкий вид: по Ладожскому озеру и по Неве плавали шведские галеры; западная граница тянулась по восточным окраинам Балтийских провинций, принадлежавших Швеции; Псковская и Смоленская губернии граничили с владениями Польши; далее порубежная линия направлялась по Десне к югу, близ Киева, по Днепру, и от Переволочны шла к северу «украинская» линия до Донца, а к югу была уже турецкая граница, за которой кочевали ногайские татары. На востоке ряд засек и сторожевых постов не вполне защищал от набегов киргиз, и редкому каравану удавалось пройти в Уфимское укрепление без стычек с башкирами. Открытый выход к морю был только на севере, у Архангелогородского порта, свободного от льда не более трех месяцев в году. В конце же XVIII столетия географический вид Европейской России был, в главных чертах, тот же, что и в настоящее время: доступы к Балтийскому и Черному морям открыты, нет и помину ни о шведах на Ладого, ни о татарах-данниках Порты; нет вовсе ни Литовского княжества, ни Польского королевства, и западная граница примыкает к Пруссии и Австрии.

Трудами Петра и Екатерины изменился до неузнаваемости и внутренний быт. В этом отношении их труды, однако, и по характеру, и по задачам отличаются друг от друга, хотя оба они преследовали одну и ту же цель.

Тонкая и обширная наблюдательность Екатерины II, вместе с ее крепкой и деятельной волей, выражавшейся в решительной энергии и самоуверенном мужестве, рисуют пред нами практического деятеля, значительно возвышающегося над окружающей средой и способного поработить робких, привязать смелых, увлечь всех. В этом отношении Екатерина напоминает Петра; разница только во времени и месте действия — действующие лица по способностям равны, но арена действия значительно изменилась.

<...> При появлении Петра, к «новому» только стремились; при появлении Екатерины — с ним уже сжились, к нему привыкли. Разложение общественных нравов, столь естественно проявившееся в переходную эпоху Петра и столь ярко обрисованное в проповедях Стефана Яворского, в творениях Феофана Прокоповича, в трудах Дмитрия Ростовского, если и не улеглось еще, не прекратилось вполне в эпоху Екатерины, то значительно видоизменилось, приняло другую окраску, ту, которая отмечена в укоризнах князя Щербатова³, в записках князя Шаховского, в письмах Андрея Болотова. Этот переворот произошел не вдруг, совершался медленно, для современников был во многом почти незаметен; но при сравнении петровских проповедников с екатерининскими мемуаристами, происшедшая в обществе перемена бросается в глаза.

Этот происшедшую уже переменою обуславливалась также разница в задачах и в самой форме деятельности, проявленной Петром I и Екатериною II. Петр, явившийся в начале преобразовательного движения, должен был браться за все, торопиться, не имея возможности не только обдумать общий план, но даже согласовать подробности. Он учреждает Сенат и забывает дать ему наказ; назначает сенаторов, «вместо его императорского величества персоны», и вводит в их число лиц совершенно безграмотных. Каким-то случайным характером отмечены важнейшие его реформы: по слову философа Лейбница, уничтожены приказы и созданы коллегии⁴; по письму митрополита Стефана — патриаршество заменено Синодом. Законодательные работы Петра еще резче указывают характер его преобразовательной деятельности: здесь уже вовсе не видно никакой системы, все временно, все случайно — издаются не общие юридические положения, для всех обязательные, а административные

распоряжения по данным частным случаям. Дела было так много и дело было такое разнообразное, что некогда было думать о системе, о строе, о плане. Екатерина, явившаяся на русскую историческую сцену в то уже время, когда жизнь значительно улеглась в новых формах, когда новый кафтан уже несколько обносился, к нему уже попривыкли, могла оглядеться, одуматься прежде, чем начать действовать. Во всей ее преобразовательной деятельности видна выработанная система, обдуманый план, заранее намеченная задача. Она не бросается из стороны с сторону, не торопится: она подробно изучает вопрос, всесторонне обсуждает его, и если созидает новые учреждения, то для всей империи, если издает законы, то обязательные для всего населения.

«Беспримерная во владыках земных Екатерина II», как отозвался о ней просвещенный современник, сообщая подробности о ее кончине, Екатерина, всю свою деятельность, всем своим царствованием, не только с успехом продолжала начатое Петром Великим преобразование России, но и указала своим преемникам единственно неложный путь, следуя по которому достигается благоденствие русских людей и слава русских государей.

Говорили при жизни Екатерины, говорили по ее кончине и продолжают повторять донныне, будто своими блестящими успехами во внешних делах и славными преуспеяниями во внутренних Екатерина обязана исключительно своему счастью. Еще Суворов говорил: «Бог мой, не все же счастье, надобно и умение»; сама же Екатерина признавала, что «лучшими ее учителями были несчастье и уединение». Факты, всем в настоящее время известные и никем не оспариваемые, свидетельствуют, что именно в первые 18 лет своего пребывания в России, с 1744 по 1762 год, «несчастливая» Екатерина, всеми оставленная, в уединении, имела время не только присмотреться к новой для нее обстановке, изучить русскую жизнь и познать русских людей, но и серьезно подготовиться к всевозможным случайностям и к неожиданно выпавшей на ее долю деятельности.

Менее чем в месяц принцесса цербстская была перевезена из Цербста в Москву. Это не был переезд из одного города в другой — это было переселение в совершенно иной мир, с иными понятиями, нравами и обычаями, где люди чувствовали и мыслили иначе, иначе одевались, иначе ели. <...>

Такова среда, в которой предстояло жить юной немецкой принцессе. Ближайшая придворная обстановка не была лучше. <...>

Нелюбимая мужем, покинутая императрицей, забытая придворными провела Екатерина первые 18 лет своего пребывания в России. Одна, в своих покоях, она ко всему прислушивается, все обдумывает, о всем размышляет и читает, читает все, что попадет под руку, читает без конца, и, между прочим, Тацита, Монтескье, Вольтера — лучших учителей, способных установить взгляд и формировать суждение. Чтение прерывается по временам записью того, что особенно поразило ее в жизни или в книге. Это любопытные записи, разоблачающие всю Екатерину того времени: тут государственно-политические суждения и хозяйственно-экономические заметки, тут критика правительственных распоряжений, философская тенденция, выписка из книги.

«Бог мне свидетель, что желаю и хочу только блага стране, в которую привел меня Господь. Ее слава есть и моя. Таков мой принцип. Хочу общей цели — сделать всех счастливыми.

Свобода — душа всего; без нее все мертво. Политическая свобода все воодушевляет.

Противно христианской религии и справедливости делать людей рабами — люди все рождаются свободными. Рабство есть прямая потеря — оно убивает промышленность, искусства, науки.

Власть, не пользующаяся доверием народа, ничего не значит для государя, желающего быть любимым и царствовать со славою. Этого легко достигнуть, имея в виду благо народа и справедливость.

Мир необходим для такой обширной империи, как Россия. Мы нуждаемся в увеличении населения, а не в уменьшении его. Это по внутренней политике; а извне мир придаст нам большее значение, чем случайности войны, всегда разорительной.

Соединить Каспийское море с Черным, оба — с Балтийским и Северным, и направить сюда транзитом торговлю Китая и Восточной Индии — значило бы возвысить Россию на степень могущества высшую, чем прочие государства Европы и Азии.

Что может противостать беспредельной власти неограниченного государя, который управляет воинственным народом!»⁵

Вот плоды 18-ти лет «несчастия и уединения». София-Фредерика не могла бы написать ничего подобного. Ее уже нет — пред нами Екатерина, которая изменит свои первоначальные тенденции под давлением новых обстоятельств, но всегда сообразно нуждам и пользам России, твердо памятуя, что «ее слава есть и моя». Эти несчастные годы были для Екатерины годами самообразования и развития, когда очищалось суждение, креп-

ла мысль, закалялась воля, вырабатывался характер. В эти несчастные годы были положены основы для будущих счастливых годов.

Счастливые годы начались для Екатерины большим несчастьем. «Не имели мы никогда ни намерения, ни желания — объявляла она в манифесте к народу — таким образом воцариться, каковым Бог по неведомым Его судьбам, промыслом Своим нам определил престол отечества Российского воспринять»⁶. Тщетно было бы противиться указаниям Промысла, и Екатерина торжественно объявляла народу: «Мы можем, не похвалившись, перед Богом целому свету сказать, что от руки Божией прияли всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном нашем отечестве»⁷.

Тридцатичетырехлетнее царствование Екатерины свидетельствует, что она сдержала с лихвою свое царское слово, как относительно «расширения славы», так и еще более по «утверждению доброго порядка и утверждению правосудия», по вопросам внутренним более, чем по внешним. По обстоятельствам, от Екатерины ни мало не зависевшим, на ее внешнюю политику обращается всегда преимущественное, если не исключительное внимание; о ее внутренних преобразованиях по большей части говорят лишь вскользь, мимоходом. Это объясняется не столько громом и блеском военных подвигов, всегда весьма шумных, сколько национальностью историографов: до последнего времени о Екатерине писали только иностранцы, незнакомые с внутренней жизнью России и ею неинтересовавшиеся. В этом случае мы, русские, в долгу пред Екатериною: на нас лежит обязанность восстановить ее значение в полной мере и показать, что ее внутренние реформы значительно важнее и плодотворнее внешних успехов. <...>

Не подлежит сомнению, что Екатерина ставила дела внутренние выше внешних, сознательно гордилась этим, и так скромно оценивала эти труды свои: «Россия велика, а я что ни делаю, подобно капле, падающей в море».

Это и понятно. При воцарении Екатерины империя находилась в «невероятной расстройке». Неотложная необходимость внутренних преобразований сознавалось Екатериною вполне:

«В 1762 году, при вступлении моем на престол, я нашла сухопутную армию, за две трети жалования не получившую. В статском конторе именные указы на выдачу семнадцати миллионов рублей невыполненные. Почти все отрасли торговли были отданы частным людям в монополию. Таможни всей империи Сенатом

даны были на откуп за два миллиона. Елисавета Петровна искала занять два миллиона рублей в Голландии, но охотников на тот заем не явилось, следовательно кредита или доверия к России не существовало. Сенат хотя и посылал указы и повеления в губернии, но там так худо исполняли указы сената, что в поговорку почти вошло говорить: ждут третьего указа, понеже по первому и по второму не исполняли. Воеводы в городах и воеводские канцелярии жалованья не получали и дозволено им было кормиться с дел, хотя взятки строго воспрещены были. Монастырские и заводские крестьяне в полном непослушании, так что ни единожды принуждены были употребить противу них оружие и даже до пушек. Признаки были великого роптания на образ правления последних годов. Умы, как всегда случается после переворота, столь великого, находились в сильном волнении»⁸.

Интересны промышленности и торговли, положение всех условий, преимущественно же крестьянского, дела военные, церковные и гражданские, все в «невероятной расстройке», все требует упорядочения. Из сенатских докладов, из коллегияльных экстрактов, из донесений должностных лиц, даже из «многих разговоров» оказывалось, что всему виною «не единообразные об единой вещи установленные правила и противоречущие законы по временам сделанные в соответствии догдашних умов расположения» и что, прежде всего, необходимо, «дабы законодательство было приведено в лучший порядок». Так, по словам самой Екатерины, явилась мысль о знаменитой законодательной комиссии, установившей славу всего ее царствования.

Собрание представителей Русской земли, во-первых, «для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места» и, во-вторых, «для заготовления проекта нового уложения» — великий акт, призывавший русский народ, в лице его выборных, к участию в законодательстве. В той форме, в какой эта мысль была выражена, она явилась, действительно, «опытом великой доверенности к народу», и день открытия комиссии есть день, «долженствующий навсегда остаться священным для России».

В этот день 545 депутатов привезли в Москву и представили на всенародное обсуждение длинный перечень «нужд и недостатков» из 1264 местностей, из которых прежде доносились лишь «напрасные жалобы и подавленный ропот». Никто не радел о нуждах русского человека, никто не заботился о недостатках той или другой местности, когда «с высоты престола» раздался образный голос Екатерины: «Выскажите свои жалобы.

Сапог жмет вам ногу? Мы постараемся поправить это. У меня нет системы; я желаю только общего блага — оно вместе с тем и мое собственное. Работайте, собирайте материалы, издавайте проекты — узнайте чего вы хотите»⁹. И русские люди толково и дельно высказали свои жалобы: по сознанию самой Екатерины, они «подали мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно». В продолжение своего 34-летнего царствования Екатерина нередко пользовалась этими сведениями, сообщенными ей депутатами. Так, в 1778 году, в указе особой комиссии для преобразования тульского оружейного завода, императрица указала на требования, заявленные в 1767 году в наказе депутату от завода¹⁰.

Таким образом, первая часть задачи, возложенной на выбранных русских людей, была выполнена довольно удачно, и Екатерина вполне достигла своей цели — из депутатских наказов она узнала Россию гораздо полнее, всестороннее и, конечно, вернее, чем из чиновничьих докладов и канцелярских донесений. Не по вине императрицы, тем менее депутатов, не была достигнута вторая задача — составление проекта нового Уложения.

Над эти проектом более всего потрудились, бесспорно, сама Екатерина. Первоначально императрица вовсе не имела в виду составить новое Уложение — она излагала не законодательные определения, а теоретические идеи относительно общих понятий о государстве и праве, о правлении, суде, законах и т. п. Первая тетрадь ее труда, приготовленная еще в 1765 году, состояла всего из 64 страниц ее довольно крупного письма. Лишь мало-помалу, увлекаясь начатым занятием и все более знакомясь с трудами не только общими, как Монтескье, но такими специальными, как Беккариа, императрица перешла от общих начал к вопросам более частного характера и написала большой том в 655 параграфов. Первоначально она назвала свой труд просто «инструкциею», наставлением, и находила, что «в ней я высказалась вполне и не скажу более ни слова в продолжение всей жизни». Она хранила свой труд от всех, не желала помощников, «опасаясь, что каждый из них стал бы выражаться в различном направлении, а здесь следует провести одну только нить и крепко за нее держаться», и прочла его только двум-трем наиболее приближенным к ней лицам. Граф Г. Г. Орлов нашел, что эта инструкция есть «non plus ultra¹¹ совершенства»; Н. И. Панин сказал: «ce sont des axiomes arenverser des murailles»¹². В настоящее время мы можем лишь догадываться, что первоначально Екатерина имела в виду составить нечто вроде нынешней *Instruction civique*, но теоретический, не каса-

ющийся положительного права. Она сама, однако, недоумевала, насколько подобный сборник теоретических истин может быть практически полезен. Она желала мнение по этому поводу Даламбера и, между прочим, как женщина практически умная и обладавшая большим здравым смыслом, она писала ему: «От накопления хороших правил, примененных на практике, может произойти и дурной результат, если не будут приняты во внимание те изменения, которым иногда, и довольно часто, должны подвергаться эти правила при применении их на практике и которые зависят от места, времени, лиц, народного характера, наконец, от тысячи различных причин, которые законодатели и государи должны знать и принимать в соображение». Это недоумение росло по мере обращения инструкции по общегосударственным вопросам в Наказ комиссии для составления проекта нового Уложения. Кто же, кроме представителей самого народа, кроме его выборных, знает особые условия каждой округи, практически знаком с народным характером, с бытовой стороной местной жизни, с обычными правами отдельных народностей, с историческим наслоением этих бытовых и обычных условий гражданской жизни? И Екатерина созывает «депутатов» от всех уездов, причем каждому уезду и каждому городу предоставляет дать избранному им депутату особое полномочие, наказ, с изложением своих нужд и с выражением своих желаний.

В отличие от этих депутатских наказов, заготовленный Екатериною наказ был назван современниками Большим Наказом, и императрица, прежде всего, выслушала мнение депутатов о своем труде. Она назначила из депутатов «разных персон, вельми разномыслящих» и поручила процenzуровать Большой Наказ, предоставив им полную свободу при обсуждении ее труда. С полным уважением отнеслась Екатерина к цензуре представителей народа: «Тут при каждой статье начались прения. Я дала им волю чернить и вымарать все, что хотели. Они более половины из того, что написано было мною, помарали, и оставили Наказ Уложения, яко оный напечатан».

Работы законодательной комиссии начались чтением Большого Наказа. <...> Никогда, ни прежде, ни после, власть не говорила с народом таким гуманным языком и не высказывала таких «вольнoлюбивых изрaжений». Депутаты не верили ушам своим — их называют гражданами, им говорят о равенстве и свободе, у них есть права, у власти есть обязанности:

«Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам.

Сделайте, чтобы люди боялись законов, и никого бы кроме их не боялись.

Вольность состоит в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно.

Слова не вменяются никогда во преступление. Слова не составляют вещи, подлежащей наказанию. Иногда молчание выражает больше, нежели все разговоры.

Всякое наказание, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить.

Запрещение или недозволение различных вер есть порок весьма вредный для спокойства и безопасности граждан.

Запрещают в самодержавных государствах сочинения очень язвительные; это запрещение представляет ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение: а сие ничего иного не произведет, как невежество, опровергнет дарования разума человеческого и охоту писать отнимет.

Великое несчастье в государстве не сметь свободно говорить своего мнения».

Депутаты пролили слезы, прослушав заключительные слова Наказа: «Все сие не может понравиться ласкателям, которые по вся дни всем земным обладателям говорят, что народы их для них сотворены. Однако ж мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причине мы обязаны говорить о вещах так, как они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив, и следовательно больше процветающ на земле; намерение законов наших было бы не исполнено: нещастие, до которого я дожить не желаю!»

Наказ <...> весь продиктован просветительною гуманностью XVIII века, с ее стремлением к общему благу, с ее признанием прав личности. В нем впервые «верноподданные рабы» объявлены равноправными гражданами и за ними признаны права не только веровать и мыслить, но говорить и действовать, не опасаясь никого, кроме законов. Современники называли Наказ «золотою буллою» России; потомки видят в нем акт нашего действительного вступления в европейскую жизнь, нашего внутреннего приобщения к западноевропейской цивилизации.

Такое высокое значение «Большого Наказа» нисколько, однако, не соответствовало второй задаче законодательной комиссии — составлению проекта нового Уложения. В этом отношении депутатские наказания были практически полезнее: они указывали

недостатки действующего права, предлагали средства исправить их. Нет сомнения, что «свет и сведения», принесенные народными представителями, значительно помогли бы комиссии выполнить и эту вторую задачу. Для разрешения ее требовалось, однако, время, и довольно продолжительное. Между тем, года полтора спустя по открытии комиссии, в конце 1768 года, раздавшийся по всей России крик: «отечество в опасности» отвлек внимание в другую сторону, и «депутаты из военных», составлявшие почти третью часть комиссии, поспешили на юг, в действующую армию, на войну с турками.

Законодательная комиссия была «распущена» на время. Ее подкомиссия продолжала работу, которую воспользовалась императрица как при издании «Учреждений для управления губерний»¹³ и «Грамоты городам Российской империи»¹⁴, так и при составлении уставов о соли, о купеческом водоходстве, даже устава благочиния и других законодательных актов, имевших в виду улучшение и преобразование России, как, например, устройство дорог, почт и т. д.

Призывом народных представителей на совет по законодательным вопросам Екатерина положила прочное основание тому «счастью», которым многие склонны объяснять успех ее начинаний. Этим публичным актом доверия к народу она привлекла к себе сердца не одного какого-либо сословия или класса, но всей массы народной, опираясь на которую легко не только царствовать, но и управлять страной. Ограничиваясь придворною атмосферою и дворцовой обстановкою, ее предшественники, до ее тетки, императрицы Елисаветы Петровны включительно, могли только царствовать; никто из них, по смерти Петра Великого, не управлял Россиею, и еще в 1765 году престарелый граф Миних говорил: «Русское государство имеет пред другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самим Богом — иначе невозможно объяснить себе, каким образом оно может существовать»¹⁵.

Граф Миних отметил только факт, им самим пережитый, но не указал причин его, заключавшихся, главным образом, в двух взаимодействующих и друг от друга зависевших факторах — в самодурстве сверху и крепостничеству снизу.

Твердая, жесткая рука Петра Великого могла, конечно, направить самодурство согласно его воле, но не только не уничтожила, а напротив, содействовала дальнейшему развитию. Он, как самодержец, нарушил установленный порядок престолонаследия, чем внес смуту в ту область государственного права, где до него господствовали точные и всем доступные понятия. Ответ-

том на этот произвол было усиление самодурства при его преемниках, до того, что по кончине Петра II несколько членов Верховного тайного совета располагали русским престолом, представляя его лицу по их выбору. Это же самодурство возвело на плаху и кабинет-министра Артемия Волынского, который был, по отзыву Екатерины II, «добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего отечества»¹⁶. Именно в вопросе о престолонаследии Екатерина II оказалась значительно выше Петра I: несмотря ни на что, она передала престол сыну, а не возлюбленному внуку, как многие ожидали. Она сдержала свой произвол и тем обуздывала самодурство, не будучи, конечно, в состоянии искоренить его. Екатерина хорошо понимала источник русского самодурства.

В своем знаменитом «Наказе» императрица категорически, но с объяснением мотивов, устанавливает свойство верховной власти в России: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно со пространством толь великого государства. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медленность, отдаленностью мест причиняемое. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительное». Тем не менее Екатерина признала необходимым точнее определить «предлог, намерение и конец» самодержавия, т. е. установить предмет, задачу и цель этой формы правления.

«Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого от всех добра. Итак правление, к сему концу достигающее, лучше прочих, и при том естественную вольность меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на который в учреждении гражданских обществ взирают неотступно. Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и государя. Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел, и столько споспешествовати благополучию подданных, как и самая вольность».

Высоко ставя знамя самодержавия, Екатерина возлагала на его носителей и высокую заботу о благосостоянии страны и дольстве ее обитателей. Девизом ее, как императрицы, было

«блаженство каждого и всех» — слова, вычеканенные на медали депутатов. «У государя, — писала она, — только одна обязанность и цель: благо его подданных»¹⁷. Екатерина признавала, что «государя суть необходимое зло, без которого нельзя обойтись; если б всякий исполнял свою обязанность, не было бы надобности ни в государях, ни в чиновниках»¹⁸. Она наказывала себе и заветчала своим преемникам, как заповедь, что самодержавный государь, обладающий полнотою власти, вполне ответствен за малейшее недовольство народа: «Всегда государь виноват, если подданные против него огорчены. Изволь мериться на сей аршин. А если кто из вас, мои дражайшие потомки, сие наставление прочтет с недоверием, так ему более в свете, и особливо в российском, счастья желать, нежели пророчествовать можно»¹⁹.

При таких условиях самодурство значительно было стеснено, хотя и исключительно только личными взглядами императрицы: Екатерине именно Россия обязана отличием наступившей после нее аракчеевщины от бывшей до нее бироновщины. При Екатерине какой-нибудь Аракчеев был немыслим. Не говоря об Орловых и Зубовых, не имевших никакого влияния на ход государственных дел, князь Потемкин так же отличает время Екатерины, как граф Аракчеев эпоху ее внука. Но самая возможность появления Аракчеева ясно, однако, свидетельствует, что в борьбе с самодурством недостаточно одних личных взглядов.

Главный, хоть и не единственный, источник самодурства заключался в крепостном праве, которое питало произвол и вносило разврат в русское дворянство.

Вопрос об уничтожении крепостничества, как наболевшей уже веками язвы, давно занимал Екатерину. Она не скрывала от себя, что «осуществлением такой решительной меры нельзя заслужить любви землевладельцев, полных упрямства и предубеждений». Будучи великою княгиней, она довольно наивно разрешила этот вопрос: ей представлялось возможным «постановить, что впредь при продаже имения, с момента приобретения его новым владельцем, все крепостные объявляются вольными: так как в течение сотни лет все или большая часть имений меняют своих господ, то через сто лет весь народ будет освобожден». Став императрицею, Екатерина категорически поставила этот вопрос на очередь, высказав в первоначальной редакции своего Наказа необходимость «сделать русских крепостных людей вольными». Против этого восстали все, кому только императрица давала читать Наказ, и Екатерина должна была уступить этому общему протесту — при окончательной редакции

Наказа параграф об освобождении крестьян был исключен. Екатерина уступила, однако, не существу вопроса, а лишь по способу его «осуществления»:

«Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных. Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества. Весьма же нужно, чтоб предупреждены были те причины, кои столь часто привели в непослушание рабов против господ своих. Необходимо, чтобы законы гражданские злоупотребление рабства отвращали. Необходимо избегати случаев, чтобы не приводить людей в неволю»²⁰.

Очевидно: освободить должно, только не вдруг и не чрез общее узаконение; прежде же всего необходимо ограничить закрепощение, а крепостных охранить от злоупотребления и обеспечить за ними собственность. В этом виде вопрос и был затронут в законодательной комиссии, причем столкнулись интересы «земледельцев — души обществу» и «дворян — опоры престолу». Присутствуя при обсуждении этого вопроса в комиссии, императрица должна была убедиться, что без непосильной для нее ломки всего государственного строя не только огульное освобождение крестьян немыслимо, но и частичное сопряжено с большими затруднениями. Екатерине, в долгое ее царствование, приходилось в этом случае бороться и с отдельными личностями, до Салтычихи²¹ включительно, и с целыми учреждениями, как Сенат. И она боролась. Крестьяне убили своего помещика; Сенат определил истребить всю деревню; Екатерина писала по этому поводу генерал-прокурору:

«Пророчествовать можно, что естли за жизнь одного помещика в ответ и в наказание будут истреблять целые деревни, то бунт всех крепостных деревень воспоследует. Положение помещичьих крестьян таково критическое, что кроме тишиной и человеколюбивыми учреждениями ничем избегнуть бунта не можно. Генерального освобождения от несносного и жестокого ига не предвидят и, не имев обороны ни в законах и нигде, всякая малость может привести их в отчаяние, кольми паче мстительный такой закон как Сенат вздумал некстати и не к ладу издать. Итак прошу быть весьма осторожну в подобных случаях, дабы не ускорить и без того довольно грозящую беду, естли в новом узаконении не будут взяты меры к пресечению сих опасных следствий. Ибо естли мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то и противу нашей воли сами оную возьмут рано или поздно»²².

<...> Землевладельцами были исключительно дворяне, составлявшие «опору престола»; каждый землевладелец был, относительно говоря, таким же самодержцем в своем поместье, как государь — в империи. Освобождение крестьян «вдруг и чрез узаконение общее» отняло бы у дворян основной мотив их прав и привилегий, ради которых они и являлись опорой престола; прежде чем потерять эту опору, необходимо было создать равный в этом отношении эквивалент дворянству. Екатерина и положила этому начало созданием «среднего рода людей», к которому она причисляла всех тех, «кои, не быв ни дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах» и которые получают высшее образование. Нужно было, однако, время, чтобы человек «среднего рода» мог стать столь же надежной опорой престола, как и «дворянин», но опорой вполне бескорыстной, основанной единственно на патриотическом стремлении ко благу родины. Этой заслуги Екатерины забывать не следует.

Из всех преемников Петра одна Екатерина не только царствовала, но и управляла Россией, вследствие чего она постоянно и много работала. Не по недоверию к людям, ею же избираемым, а по любви и участию к России и русскому народу Екатерина никогда не полагалась на представляемые ей доклады, и всегда, по всем частям управления, сама рассматривала все вопросы и разбирала все дела. Кроме массы напечатанных уже ее решений, в архивах хранятся несчетные томы бумаг, ею прочитанных и отмеченных поправками ее руки. Лишь в редких случаях ограничивалась она индифферентным «быть по сему»; по большей части доклады исправлялись ею, иногда же, особенно предназначаемые для обнародования, ею же и составлялись: сама напишет «сенатский указ», сама отдаст кому-либо исправить орфографию и сама же пошлет генерал-прокурору при записке: «Сие переписано начисто с моей безграмотной руки; ваше сиятельство уже велите переписать по вашему». Ежедневно, утром, она работала одна часа два и с секретарями и докладчиками — часа три; после обеда часа два посвящались чтению реляций, депеш, писем. Иностранцы, даже немцы, дивились ее усидчивости, ее трудолюбию и выражали ей по этому поводу свои сожаления. «Ума не приложу, — отвечала императрица, — почему вы жалеете меня? Правда, я работаю более, чем другие, но ведь иначе и быть не может. Я так много могу делать добра, все средства к этому в моей власти, и мне остается только находить случай к деланию добра, что вовсе не трудно. Я по природе люблю трудиться и чем более работаю, тем

становлюсь веселее»²³. Живая, деятельная, здоровая, Екатерина находила время писать письма друзьям, сочинять сказки для детей, комедии для взрослых — затруднится ли она составить инструкцию генерал-губернатору, написать проект закона, исправить указ, дать тему для манифеста? В переписке с гр. Сиверсом, наместником тверским и новгородским, она входит в мельчайшие подробности областного управления; в ее записочках к генерал-прокурору кн. Вяземскому затронуты вопросы финансовые, торговые, таможенные; ее секретари, которых у нее пять, иногда до восьми, едва успевают собирать для нее справки, подыскивать законы, составлять запросы, ею продиктованные. Она во все входит, все хочет знать, все направить; она всем управляет — другие исполняют только ее приказания; она — самодержица, «а другие все, по славу евангельскому, наемники есть». И не только отдельные лица, даже комиссии и советы работали по ее указаниям и под ее надзором. «С мнением моего совета я всегда согласна, когда его мнение согласно с моим»²⁴, — любила говорить Екатерина, метко характеризуюя и себя, и совет.

В 34-летнее царствование Екатерины Россия знала только ее, и русский народ не страдал от временщиков. У Екатерины II были фавориты, но временщиков при ней не было. Императрица не решала ни одного дела глаз-на-глаз с докладчиком — она всегда проверяла доклад, совещалась, советовалась, и никогда никому не удавалось «вырвать» у нее высочайшего повеления, преддрешающего вопрос или узаконивающего меру, предлагаемую докладчиком. За эту осторожность славный гр. С. Р. Воронцов воздал ей должное в письме к ее внуку, который нередко клал резолюции по личным указаниям министра: «Нет в мире ничего более опасного, как решать дела с глазу на глаз с министром. Каким образом ваше величество можете удостовериться, что он не введет вас в ошибку, вольную или невольную? Почему вы знаете, что министр представляет вам все, что должно быть доведено до вашего сведения? В природе человека стремиться к влиянию, к власти; этим создается деспотизм министра, и ваше величество создадите деспотизм невыносимый, вершая дела с глазу на глаз с тем или другим министром»²⁵.

В этом отношении Екатерина вполне разделяла взгляды одного из своих «заграничных друзей»: «Нация, т. е. общество и народ, всегда хорошо сознают свои интересы, между тем как министры вовсе не знают, в чем заключается в данный момент общественное благо. Когда народ заметил в чем-либо свою ошибку, реформа является не только вполне естественною, но и обяза-

тельно необходимою; между тем как министры склонны упрямо поддерживать не только свои ошибки, но даже свои глупости, думая этим сохранить престиж власти».

Временщиков при Екатерине не было, но число деловых людей значительно увеличилось. Административные и судебные преобразования, введенные императрицею, требовали людей сравнительно более образованных, чем прежние повытчики. И Екатерина таких людей находила. Она никогда не жаловалась на недостаток людей, вполне сознавая нелепость подобной жалобы, свидетельствующей только о собственном убожестве. «Всякая страна, — писала императрица, — доставляет всегда людей, необходимых для дела, и так как все на сем свете есть дело человеческое, то люди, стало быть, могут со всем управиться». Она несколько раз повторяет, что «недостатка в людях быть не может», и ссылается на себя: «Я никогда не искала и всегда находила под рукою людей, которые служили мне и, по большей части, служили хорошо; все зависит от умения направить их». И вот как она направляла их: «Сильно ошибаются, если думают, что меня пугает чье-либо достоинство; напротив, я желала бы видеть вокруг себя только героев, и я все на свете употребляла, чтобы сделать героями тех, в ком видела малейшее к тому расположение... Бог мне свидетель, что я не имею никакой особенной склонности к дуракам». Как в выборе людей, так и в оценке их Екатерина, однако, была строга. Вот, напр., ее отзыв о четырех известных в свое время военачальниках: кн. Н. В. Репнин — «хуже старой бабы»; гр. И. П. Салтыков — «глуп и упрям»; гр. Я. А. Брюс — «дурак, не имеет головы», гр. В. П. Мусин-Пушкин — «он каналья, *pardonnez le terme, en un mot c'est une bête*»²⁶.

Екатерина была строга не только к отдельным личностям, но и к целым сословиям, причем, если польза дела того требовала, императрица не щадила даже высших учреждений, как правительствующий Сенат и Святейший Синод. Убедившись, что раздоры и несогласия сенаторов вредят ходу дела, императрица обнародовала указ, в котором укоряла гг. сенаторов, что они занимаются делами, «совсем не свойственными людям благородным, почтенным и доброжелательным». Решившись отобрать у духовенства церковные имения, императрица напомнила членам Синода, что они «преемники апостолов, которым Господь повелел внушать людям презрение к богатствам и которые были очень бедны», что «жить в преизбыточестве благ земных совершенно противно званию» служителя алтаря.

Строга Екатерина к людям, строга и к себе. Она вполне сознательно говорит всем и ни от кого не скрывает, что все ее значение покоится на силе и преданности народа, на чести и достоинстве империи; она лично — ничто. В самый разгар двух войн, второй турецкой и шведской, в заграничных газетах появилось известие о смерти Екатерины; императрица писала по этому поводу: «Безумцы утверждают, будто нет более Екатерины; но если бы ее и не было, Российская империя тем не менее существовала бы, а ей не суждено быть задавленной ни Густавом шведским, ни Вильгельмом прусским²⁷ даже в союзе с их другом Абдулом-Гамидом турецким»²⁸. Князь Потемкин дивится ее «неустрашимой твердости»; она отвечает: «как иначе быть императрице всероссийской, имея пятнадцать тысяч верст за спиною и видя добрую волю и рвение народное»²⁹. Князь де-Линь свидетельствует, что «во дворцах, где есть престолы, не встречал еще такой простоты и прямоты ни в одной коронованной особе»; Екатерина отвечает: «Престолы и восседающие на них особы представляют прекрасное зрелище, но лишь издали; не в ущерб моим многоуважаемым братьям, я полагаю, что мы, сколько нас ни есть, все должны быть пренесносными особами в обществе; я знаю это по опыту: когда я вхожу в комнату, я произвожу впечатление Медузиной головы — все столбенеют и прирастают к тому месту, на котором находились. Мне очень лестно слышать от вас противоположное, но ежедневный опыт убеждает меня, что я такая же, как и другие, и не найдется более десяти или двенадцати лиц, не стесняющихся моим присутствием». Екатерина трудится постоянно, работает «больше других», и всегда, прежде чем начать дело, прежде чем решить вопрос, всегда справляется со взглядами и мнениями Петра Великого, всегда спрашивает себя, смотря на его портрет: «что сказал бы Петр, что сделал бы он, если б был здесь». <...>

Набрасывая свои «*Réflexions sur le projet d'une histoire de Russie au 18 siècle*», Екатерина категорически заявляла: «я не придаю никакой цены моим письмам»³⁰; но эти письма имеют большое значение для истории самой Екатерины и нередко решающее для ее характеристики.

Императрица Екатерина II писала много, легко и охотно. Далеко не все еще ее письма, указы, резолюции и записочки изданы, а между тем число уже обнародованных значительно превышает 12 000 листков, ею писанных, исправленных или подписанных. Не подлежит сомнению, что Екатерина хорошо умела употреблять перо на служение своим целям. Она видела в нем довольно верное средство, когда небрежно набрасывала

на бумагу доверчивые строчки к другу и когда писала остроумные письма к Вольтеру и энциклопедистам, которые должны были расточать ей похвалы по всей Европе, когда кропала небольшую пьеску для своего придворного театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законодательницы. Екатерина была слишком умна, чтобы быть искреннею в письмах к Вольтеру, Даламберу и всем «знаменитостям» века, имевшим большое влияние на общественное мнение Европы; она была честолюбива, много перенесла в жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною в своих сношениях с ними, особенно же письменных. Она умела молчать, когда видела, что ее «хотят вызвать на разговор»; тем более умела она писать, чтобы заставить говорить о себе то, что ей было нужно или желательно. Конечно, из всех писаний Екатерины, письма всего более могут служить материалом для обрисовки ее внутреннего существа.

Но письма письмам рознь. Письма, например, к Даламберу с уверением, что в России «более свободы», чем во Франции, или к Вольтеру с категорическим уверением, что «Россия пользуется полною терпимостью»³¹, имеют совершенно иное значение, чем письма к Потемкину, в которых она сообщает ему не только свои сокровенные планы относительно ослабления Турции или погубления Польши, но и свои откровенные мнения о лицах, ею же поставленных во главе управления известною частью. Как произведения Вольтера Екатерина «читала, перечитывала и изучала», так и свои письма к нему она писала, переписывала и обдумывала в них каждое слово; письма же к графу Стакельбергу³² — черновые наброски, без предвзятой цели, во всяком случае, без задней мысли. В письмах Екатерины к Вольтеру ему предлагается материал для составления «Siècle de Catherine II», как pendant к «Siècle de Louis XIV»; в письмах же к Гримму выражается потребность высказаться, поделиться радостью и выплакать горе, иногда просто поболтать с умным человеком, редко, впрочем, забывая, что этот умный человек своею «Correspondance Littéraire» нормировал взгляды многих дворов не на одни только произведения искусства и явления литературы.

В письмах императрицы к Кейзерлингу и Стакельбергу, к Потемкину, Вяземскому, Сиверсу, особенно же к Гримму, в тех именно письмах, которые были писаны ею без заранее обдуманного намерения, невольно бросается в глаза и поражает одна характерная черта, резко выдающаяся, — здравый смысл, прямое суждение, прелестный реализм. В то именно время, когда,

вместе с Руссо, началось уже господство фальшивой чувствительности и деланой риторики, Екатерина остается простою и положительною, смотрит на вещи прямо, всегда старается «схватить быка за рога», иногда ошибается, но никогда не принимает слово за дело. Ее суждение всегда здраво, оценка ясна, приговор резок, нередко суров, но всегда понятен. Она ненавидит фразу, пустое многоглаголание. Трезвый, светлый ум императрицы ненавидит масонов, она презирает шарлатанов всякого рода, никогда не жалуется на обстоятельства, не переносит с больной головы на здоровую, никогда не обманывает себя, никогда не обольщает себя пустыми надеждами, всегда холодно, сухо рассчитывает, и расчет ее редко ошибочен.

Каково содержание, таков и слог. Очень оригинальный слог: несколько небрежный, часто неправильный, но всегда ясный. Екатерина излагает мысль очень кратко, но вполне понятно; чаще опускает слова, чем бы следовало, и тем придает своему слогу известную терпкость. Ее изложение легко, живо, естественно, всегда образно. При выражении гнева, негодования, слог Екатерины более сжат, резок, чем при изложении удовольствия, одобрения; но ни в том, ни в другом случае не встречается многословия, тем более приторного. Даже общие обозрения европейских дел в данную минуту выходят из-под пера Екатерины кратки и, во всяком случае, не многоречивы. Особенно удаются ей портреты лиц, где она одной, двумя чертами рисует всего человека.

Екатерина выразилась в своих письмах полнее и вернее, чем в своих деяниях. Это и понятно: она писала, что хотела и делала, что могла.

Екатерина была монархиня самодержавная, но была ли императрица вполне самостоятельна? Вопрос не праздный: только человек вольный в своих поступках ответственен за свои деяния, только самостоятельная личность вменяема. Не говорим о внешней политике, где «свои» интересы необходимо ограничены «чужими»; но во внутренней политике, где воля самодержавной монархини вполне неограниченна? Воля, конечно, ничем не ограничена, но проявление ее ограничено, и в довольно значительной степени, исполнителями. Екатерина одна — исполнителей много; она только приказывает — исполняют приказание другие. При исполнении воля императрицы иногда бесильна; всегда ли она всеильна при издании повелений?

Знаменитый Наказ императрицы был, по собственным ее словам, «смягчаем, исправляем, приноровляем» согласно указаниям «людей весьма разномысленных», но настолько вли-

ательных, настолько сильных, что императрица должна была сообразоваться с их указаниями. Мало того: Наказ был напечатан и публично читан в заседании законодательной комиссии, в присутствии 545 лиц, в том числе 346 непривилегированных; очевидно, императрица желала сделать свой Наказ возможно более известным, желала возможно более распространить «приличные к узаконению пункты». Между тем, правительствующий Сенат, указом от 24 сентября 1767 года, постановил: разослать по всей России всего лишь 57 экземпляров, только в «высшие учреждения», притом «с подтверждением, чтобы оные содержаны были единственно для сведения одних тех мест присутствующих, и чтобы оные ни кому, ни из нижних канцелярских служителей, ни из посторонних не только для списывания, но ниже для прочтения даны были»³³.

Парализовалась этим воля императрицы или нет? И это в Петербурге, на глазах Екатерины — что же делалось в провинциях, в отдаленных местностях, на окраинах? Ведь исполнителями были исключительно дворяне, выросшие в деморализующей школе крепостного права. <...>

Между тем эти именно дворяне признавались единственной опорой престола и с ними приходилось считаться, так как «среднего рода людей» почти еще не было. Екатерина сделала для дворян очень много. Насколько императрица упрочила самодержавие, настолько же поддержала она дворянство. «Хотя я, — писала Екатерина, — лишена предрассудков, и у меня ум естественно философский, я сознаюсь, чувствую большую склонность чтить старые фамилии; я страдаю, видя их обреченными почти до нищенства, и люблю восстанавливать их. Восстанавливать их значение можно предоставлением старшему в роде, если он того достоин, орденов и служебного положения, и раздачею пенсий и даже поместий, сообразно нужде и заслугам, с условием, чтоб они переходили к старшему в роде и были неотчуждаемы». Екатерина раздавала дворянам много поместий, увешивала их орденами, назначала их на «государственные службы» и должна была убедиться, что не этими средствами поддерживаются старые фамилии. Сильнее чинов, отличий и «душ» оказывалось крепостничество, жестоко мстившее за себя деморализацией дворянства: помещик, теряя в отношении к своим крепостным всякие понятия о праве и справедливости, терял вместе с тем чувства чести и достоинства. Ради «прибытка мерзкого» князь С. В. Гагарин лжесвидетельствовал императрице, так что Екатерина в особом письме спрашивала его: «ваше сиятельство, между нами сказать, где князя Сергея Васильевича

честь, где совесть?»³⁴ С таким же вопросом императрица по праву могла обратиться и к другим старым фамилиям: князь Одоевский мошенническим способом выманивал деньги, князь Барятинский выдавал безденежные векселя, князь Хованский судился за обман, Нелединский был сослан за сечение своей матери плетью, князь Лобанов обвинялся в подлоге³⁵, графы Ефимовские преследуют мать, князь Кантемир проклинает родных, генерал-поручик Ржевский обкрадывает содержателя клуба и т. д., и т. д. Когда в 1785 году императрица, не довольствуясь пожалованиями и награждениями отдельных лиц, особо грамотою определила в 92 пунктах «права, вольности и преимущества российского дворянства», современный мемуарист дополнил перечень прав одним, упущенным грамотою, правом: «Дворяне почитают невежество своим правом; человек со сведениями не только не уважается, но оберегается»³⁶; другой современник отметил, что дворянские съезды отличались «пьянством, буянством, всякими гадостями и беспутством»; в одной Тамбовской губернии более сотни дворян судилось за «взятки, буйство, грабежи и воровство».

И от этих-то дворян, в которых Екатерина видела не более как «наемников», зависела императрица — на них она опиралась, они были исполнителями ее предначертаний. Удивляться ли, что намерение Екатерины «сделать русских крепостных людей вольными» обратилось в положение «не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных»? Можно ли винить Екатерину за то, что предписание императрицы «отныне всем фабрикантам и заводчикам довольствоваться вольными наемными за договорную плату людьми» не имело практического результата и окончилось усмирением заводских крестьян пушками? И эти дворяне, ищущие «светских архиереев», самодурствующие в своих поместьях и пользующиеся даровым трудом на заводах, не только занимали все высшие административные и судебные места в областном управлении, но сидели в центральном управлении — в Сенате, в коллегиях и конторах, в советах и комиссиях — толпились при дворе, стояли у трона, всюду парадировав своими правами на невежество и влияя на ход государственных дел.

Вследствие этого, императрица Екатерина желала более, чем могла, сделать добра для России. Иностранец, беседовавший и переписывавшийся с Екатериною, свидетельствует, что «весь секрет царствования Екатерины заключался в искоренении самых основ деспотизма и внушении народу чувства свободы».

Таково, действительно, было желание императрицы, и его можно уследить во многих ее распоряжениях.

Московский главнокомандующий граф Я. А. Брюс запретил представление трагедии, в которой встречается следующая тирада:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
 Который заключен в одной монаршей воле!
 Лязь-ль ждать блаженства там, где гордость на престоле,
 Где властью одного все скованы сердца?
 В монархе не всегда находим мы отца³⁷.

Императрица была недовольна запрещением и приказала напечатать трагедию³⁸. Екатерина не раз заявляла, что она в душе республиканка³⁹, и в 1778 году она «со скрежетом зубов» защищала английскую конституцию⁴⁰. Но императрица искренно была убеждена, что «всякое другое правление, кроме самодержавного, было бы России вредно, даже разорительно»⁴¹ и много потрудилась в этом направлении. Она бесспорно много содействовала искоренению деспотизма в том смысле, что вела постоянную и упорную борьбу с грубостью, с неуважением человеческой личности, с лихоимством, с насилием всякого рода, и тем вкореняла в русского человека понятие о чести, сознание своего достоинства, уважение к правам и обязанностям гражданина, пробуждала общественную мысль, созидала общественность. Не только мы понимаем это, но и современники уже чувствовали: «В дни бессмертные Екатерины II, — говорит один из них, — ее деяния и ее законы: не бить дворянина, священнослужителя, гражданина, не бить, без суда, мещанина и простолюдина — ежели не истребили, по крайней мере, поколебали, ослабили и уменьшили насилие и варварство сильных и богатых»⁴².

Секрет царствования Екатерины выражен ею практичнее и прямее в ее «секретнейшем наставлении» генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому, при назначении его на эту важную должность: «Вам должно знать, с кем вы дело иметь будете. Вы во мне найдете, что я иных видов не имею, как наивящее благополучие и славу отечества и иного не желаю, как благоденствия моих подданных, какого бы они звания ни были; мои мысли все к тому ж лишь только стремятся, чтобы как изнутри, так и вне государства сохранить тишину, удовольствие и покой. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить против меня без всякого опасения, лишь бы только то благо произвело в деле. Еще к тому прибавлю, что я ласкательства от вас не требую, но единственно чисто-

сердечного обхождения и твердости в делах»⁴³. Благополучие страны и благоденствие ее обитателей немислимы при деспотизме, откуда он ни исходил бы, сверху или снизу; но, кроме тишины, удовольствие и покой предполагают, конечно, чувство свободы.

Иностранный писатель и русская императрица сходятся в указании идеала, разным языком рисуя ту же сущность. Насколько же жизнь оправдала эти указания? Идеал всегда недостижим, иначе он перестает быть идеалом; в положении же Екатерины, как императрицы самодержавной, даже стремление к нему было в значительной степени ограничено условиями, не ее созданными; в этом отношении ей был указан предел, «его же не преи́деши». В пределах же возможного Екатерина сделала более, чем кто-либо из русских государей прошлого века, и по праву занимает место рядом с Петром Великим.

Ее законодательные акты, инструкции и распоряжения, ее литературные произведения, комедии и сатиры отмечены новыми, гуманными идеями, вносившими западноевропейский свет в русские потемки. Даже личная жизнь Екатерины, с роскошным двором и фаворитами, много влияла на смягчение нравов и облагораживание форм. Придворная роскошь, против которой так восстают князья Щербатовы прошлого и нынешнего века, не имела и не могла иметь особенного значения: ее дурное влияние ограничивалось весьма небольшим кругом людей, по большей части ничтожных, недостойных даже сожаления, уже испорченных крепостничеством. Так и относилась к ним Екатерина, презиравшая придворных «подлецов и ласкателей» и желавшая привлечь ко двору людей порядочных: «Я слышу, — писала она князю А. А. Вяземскому, — что вас все почитают за честного человека; я ж надеюсь вам опытами показать, что у двора люди с сими качествами живут благополучно»⁴⁴. Фаворитизм, конечно, зло, но, по сущности своей, зло беспочвенное, не пускающее корней, преходящее, не оставляющее следов. <...> Роскошь при дворе и разврат при фаворитах или без них всегда были и будут. Придворная атмосфера никогда не бывает насыщена началами нравственности и морали; двор Екатерины не был в этом отношении хуже своих предшественников. Роскошь и разврат, конечно, явления непривлекательные, но государственные деятели судятся по их государственным делам, не по их частной, закулисной жизни.

Мелочи придворной *chronique scandaleuse*⁴⁵ и клички фаворитов никого уже не интересуют и всеми позабыты; на мыслях же Новикова воспитались целые поколения лучших людей,

бескорыстно содействовавших Царю-Освободителю в его славных реформах и самоотверженно поработавших на просветление родного народа. Труды Радищева, воспитавшегося на идеях екатерининской эпохи, остаются до настоящего времени запретным плодом для русского человека. В этих двух именах всего полнее и вернее сказался секрет славного царствования Екатерины, не выключая и мученичества, перенесенного этими пионерами свободной русской мысли. Екатерина их вырастила, Екатерина же их и казнила, искренно убежденная, что они «перешли» указанный предел. Но семя уже было брошено и дало росток. Титулованный русский «наемник» так возмущался ссылкой Радищева: «Десять лет Сибири — это ведь хуже смерти. И это за ветреность! К чему же будут приговаривать за преступления и формальные возмущения?»⁴⁶

Внешняя политика Екатерины дорисовывает симпатичный образ «великой монархини», высоко державшей знамя государственных интересов России. Русский человек более чувствовал, чем сознавал эту внешнюю политику, — чувствовал в ряде рекрутских наборов, обычных и чрезвычайных, тяжело ложившихся на население, и не всегда понимал цели, преследовавшиеся правительством. Он удовлетворялся только успехом, и успех оправдывал императрицу вполне.

Во внешних делах Екатерина была еще менее свободна, чем во внутренних. Задача и цели внешней политики были указаны историческим ростом России и окончательно определены громом тех пушек, которыми Петр Великий пробивал окно в Европу. Только средства и способы зависели от Екатерины, и полный успех по всем пограничным линиям — турецкой, польской и шведской — ясно свидетельствует, что императрица употребляла наиболее целесообразные средства для достижения указанных целей.

Внешние сношения Екатерины начались не с дипломатов, представителей коронованных особ, а с философов, руководителей общественного мнения Европы. Будучи великой княгиней, Екатерина читала философские, политические сочинения единственно для собственного развития, для просвещения своего ума; став императрицей, она вошла в непосредственные сношения с философами, имея в виду не только их влияние на общественное мнение, но, главнейшим образом, их суждения и взгляды, ей вполне сочувственные. Чтение философов века, особенно энциклопедистов, обогатило Екатерину такую политическую зрелостью, которая не достигается ни практикой, ни опытом; но именно практические соображения и житейский

опыт изменили позже в значительной степени ее политические взгляды и убеждения, и, конечно, не в том направлении, которое могло бы порадовать философов, бывших ее учителями.

Можно только удивляться уму и такту, с которыми Екатерина завязывала и поддерживала свои сношения с философами. В ее переписке с Вольтером и Даламбером, с Дидро и Гриммом, в ее отзывах о Галлиани⁴⁷ и Эйлере⁴⁸, о Метастазии и Галлере виден свободный мыслитель и гуманист и в то же время человек вполне практический, у которого личный интерес возведен в философский принцип. Екатерина так умно и практично поставила себя относительно философов, что они являлись добровольными ее защитниками решительно во всех ее предприятиях. Императрица так хорошо знала, с кем имеет дело, что все «князи философии» были за нее даже в польском вопросе. Польских конфедератов они называли «сволочью», а в Екатерине видели чуть ли не апостола веротерпимости и пионера цивилизации по отношению к Польше. В то время как иностранные философы не только оправдывали вмешательство Екатерины в польские дела, но считали раздел Польши актом политической мудрости, русский человек, граф С. Р. Воронцов писал из Лондона своему брату графу Александру, президенту коммерц-коллегии: «Все, что вы и гг. Безбородко и Марков пишете мне, чтоб оправдать новый раздел Польши, не убеждает меня и не заставляет меня изменить мнения, что это есть сделка ничем не оправдываемого вероломства. Само по себе это дело представляется слишком явною несправедливостью; но вероломный способ приведения в исполнение делает его еще более противным. Если уж было решено сделать эту несправедливость, то следовало прямо сказать, что грабят Польшу, чтобы отомстить ей за то, что она желала заключить наступательный союз с турками против нас; но вместо этого говорят о дружбе, обнаруживают манифест с заявлением, что ищут только блага Польши, что ей хотят обеспечить цельность ее владений и пользование ее старым правительством, при котором она процветала с таким блеском в течение стольких веков! Можно ли воображать после этого, что какой-либо двор будет иметь какое-либо доверие к нам?»⁴⁹

Из всех философов один Дидро умел «истину царям с улыбкой говорить». Прямой, даже резкий Дидро говорил с Екатериною искреннее других и в своих письмах напоминал ей об обязанностях государей. Поздравляя императрицу с Кучук-Кайнарджийским миром, Дидро пишет: «Возношу мольбы, чтоб ваше величество занялись более упрочением мира, чем ка-

ким-либо другим делом. Пора вашему величеству окончательно покрыться славою, мотивы которой исходили бы от вас одной и которой вы были бы обязаны только своему гению. Кровь тысячи врагов не может возратить вам стоимость одной капли русской крови. Частные военные триумфы составляют, без сомнения, блестящие царствования; но делают ли они их счастливыми? Благодаря успехам разума, иные добродетели, чем добродетели Александров и Цезарей, снискивают наше удивление. Убедились, что гораздо славнее и гораздо отраднее образовать людей, чем убивать их. Ваше величество, дозволите ли предложить ее вниманию, что хорошие реформаторы, всегда редкие, особенно редки в тех именно странах, где они наиболее необходимы, и что люди способные изменить к лучшему порядок вещей в государстве, являются после больших промежутков»⁵⁰.

В переписке с философами Екатерина является женщиной в высшей степени умной, проницательной и практической. Она эксплуатирует их насколько возможно, берет от них все, что они дать могут, пользуется их знаниями, их влиянием на общественное мнение, но сама не подчиняется их влиянию, действует самостоятельно, как истый философ. Приобретя доверие и «заслужив» похвалу знаменитых «князей философии», Екатерина задает им вопросы, приглашает в Россию, по их указанию, ученых, артистов, техников, ремесленников. Императрица была занята целым рядом законодательных работ, заботилась об учреждении образовательных заведений, поощряла промышленность, создавала новые рынки для торговли, проводила новые пути сообщения, делала грандиозные постройки. По поводу всех этих трудов она хотела слышать мнение философов, получить их одобрение; но ни их политических соображений, ни их социальных теорий она не придерживалась. Это и понятно: они высказывали желательное — она творила возможное. <...>

Внешняя политика Екатерины не представляется ни новою, ни самостоятельною — это продолжение политики Петра, выражавшей естественное тяготение России к морю. При обширности территории, береговая линия России была слишком ничтожна, ограничиваясь Северным морем, лишь несколько месяцев в году доступным мореплаванью. Заменить неприятное Северное море гостеприимным Балтийским и доставить южной России доступ к Черному морю — таков смысл внешней политики Петра I, Екатерина II только докончила начатое Петром I — приобрела Крым и присоединила Курляндию.

Было время, когда «восточный вопрос» еще не родился, когда турки понимались всеми за турок, когда христианская Европа видела в России свою будущую избавительницу от мусульманской Турции; было время, когда Европа просила Россию взять Константинополь и прогнать турок в Азию. <...> В присутствии правительницы Софии⁵¹, посол барон Блумберг говорил малолетним царям Ивану и Петру, которому было тогда 12 лет, что поражение под Веной нанесло такую рану Турции, от которой она не излечится уже никогда, и прибавил: «Черное море страстно желает принять вас в свои распростертые объятия. Как прежде России трудно было стать твердою ногою в Крыму, так в настоящее время вам легко это исполнить. Возьмите Константинополь, в котором должен находиться престол ваших патриархов». Спустя сто лет Екатерина II убедилась, что «dire et faire sont deux»⁵². Фаворит царевны Софии «великий» Голицын два раза ходил на крымских татар и оба раза безуспешно⁵³; Петр два раза осаждал Азов, воевал с Турциею, и лишь навсегда уничтожил «поминки» крымскому хану⁵⁴; Екатерина же решила пробитую Петром просеку к Черному морю обратить в торную дорогу. Она вела две войны с Турциею: первую было подготовлено завладение Крымом, второю было обеспечено обладание этим полуостровом. Извещая императора Иосифа II о приобретении Крыма, Тамани и Кубанского края, Екатерина прибавляла: «Les provinces et les îles qui passent sous la domination de l'Empire de Russie forment ma dot»⁵⁵. Не иные земли, не Белоруссия, не Курляндия, а именно Крым составляет ее приданое — этим ясно указано значение этого приобретения в глазах богатой бесприданницы Екатерины.

Турецкие войны, первая и вторая, длились более десяти лет и потребовали большого напряжения народных сил, политической прозорливости и дипломатического такта. <...> Результат соответствовал усилиям: с приобретением Крыма, Черное море стало для русского флота Эвксином⁵⁶, и береговая на нем русская линия получила в главных чертах то протяжение, которое сохраняет и поныне. Никто из русских государей ранее Екатерины и никто позже ее не достигал подобных результатов в войнах с Турциею. Екатерина II осуществила намерения Петра I; ее преемникам были не под силу ее указания в этом направлении.

Бескровное, по добровольному желанию местных жителей, присоединение Курляндии увеличило протяжение русской береговой линии на Балтийском море более, чем на 300 верст. За-

ветная мечта Петра I была осуществлена Екатериной II. Подобно Петру, она смотрела на Курляндию не с узкой, националистической, а с широкой, государственной точки зрения и, вскоре по воцарении, повелела торжественно объявить «рыцарству и земству, что мы их в особливом покровительстве, следовательно и при их вере, правах, вольностях и привилегиях, на таком основании, как оные во время подвержения были и от королей польских клятвою утверждены, содержать и защищать намерены, отнюдь не допуская, чтоб в том какая либо отмена к их предосуждению учинена была». Это не были пустые обещания, и Курляндия, даже после своего присоединения к России, в 1795 году, испытала на себе, до какой степени Екатерина уважала законные ее права и привилегии.

Еще менее самостоятельна, менее оригинальна была политика Екатерины в польском вопросе. Будучи еще великою княгиней, она категорически заявила, в 1758 году, что для России полезна «счастливая анархия, в которую погружена Польша и которою распоряжаемся мы по своей воле»⁵⁷. <...> Спустя более тридцати лет, императрица тем же мотивом объясняла свою польскую политику: «По польским делам, — писала она в 1792 г., — не было еще следовано от 1717 г. иному проекту, окроме одинакому, то есть чтоб сохранить республику и вольность ее, колико возможно, в целости». Только при анархии «мы распоряжаемся Польшею по своей воле», и не Екатерину, конечно, можно обвинять в нарушении этого польского нестроения: русская самодержица восстает против стремления польских королей к самодержавию; уничтожив малороссийское гетманство, она хлопочет о восстановлении в Польше гетманства, «яко преграды могуществу королевскому»; она поддерживает гибельное для Польши *liberum veto*, она обещает «не отступить даже перед самим чертом», лишь бы уничтожить конституцию 3 мая 1791 года. И не только направление политики в польском вопросе не принадлежит Екатерине, даже форма исполнения, разделы Польши, не ею придуманы: «*les principes ont été trouvés et proposés par la cour de Vienne*», — писала она Иосифу II⁵⁸.

Польский вопрос, в той или другой форме, то как угроза, то как соблазн, служит в течение трех веков одним из основных мотивов международных сношений России с государствами Западной Европы, преимущественно с польскими соседями, Австриею и Пруссиею. Этот мотив сталкивается с другими, иногда отодвигается ими на задний план, переплетается то с турецкими посягательствами, то со шведскими притязаниями, но все-

гда его можно уследить, всегда он играет роль более или менее видную. <...> Но не одна только Польша, турецкие дела на юге приводили Россию в такую же тесную связь с Австриею, как шведские на севере — с Пруссиею.

В сношениях с германскими государствами, с Австриею и Пруссиею, Екатерина действовала вполне самостоятельно. Польша, Турция и Швеция, как главные мотивы, завязавшие сношения России с Австриею и Пруссиею, имели при Петре I иное значение, чем при Екатерине II. Петр I установил свою «славную систему», в которой Россия являлась союзницей Австрии. Эта система продолжалась во всю первую половину XVIII столетия и привела Россию к участию в Семилетней войне, вполне чуждой русским интересам. Во всю вторую половину прошлого века действовала совершенно иная система: Екатерина II не только сама сумела жить в мире с обоими врагами, с Австриею и Пруссиею, но умеряла их взаимную неприязнь, мирила их насколько могла. С замечательною осторожностью и с большим политическим тактом пользовалась Екатерина враждою своих соседей, чтоб предписывать им обоим свою волю и заставить их идти по пути, ею избранному, настолько, что уже в 1779 году обе германские державы сами просили посредничества русской императрицы в решении чисто германского вопроса о баварском наследстве⁵⁹. Влияние Екатерины на самые германские дела было неотразимо и надолго оставило по себе глубокий след. Она дала Дании ту знаменитую гарантию на владение Шлезвиг-Гольштейном, о которую разбились все стремления немецких патриотов 1848 года⁶⁰; она же подала Австрии первые надежды на обладание Венецией, с покорения которой вражда между Австриею и Италиею становится непримиримою.

Еще сильнее, еще резче сказалось влияние внешней политики Екатерины не на Германию только, даже не на одну Европу, но на весь торговый мир изданными ею правилами вооруженного нейтралитета, этого, по словам Фридриха II, «морского устава, защищающего торговлю от всякого морского разбойничества».

Екатерина не любила «народных волнений», и первое известие о восстании английских колоний в Северной Америке приняла за пустой газетный слух. Американские каперы вскоре доказали, что это вовсе не пустой слух, а серьезный протест против метрополии. «Знаете ли, — писала Екатерина II в 1778 г., — какой вред наносят мне американские каперы? Они захватывают торговые суда, выходящие из Архангельска! Они занима-

лись этим прекрасным ремеслом в июне и августе, но даю вам слово, что первый, кто затронет архангельскую торговлю в будущем году, жестоко поплатится за это — я ведь не Георг III, и меня нельзя безнаказанно водить за нос»⁶¹. К американским каперам присоединились вскоре и английские корсары. Екатерина сердилась; английский посланник старался ее успокоить. «Вы притесняете мою торговлю, — сказала она Гаррису⁶², — вы задерживаете мои корабли; всему этому я придаю особенное значение: торговля — мое детище, и вы не допускаете, чтоб я сердилась?» Это было сказано осенью 1779 года, а 28 февраля 1780 г. Екатерина подписала знаменитую «декларацию воюющим державам», т. е. дворам версальскому, мадридскому и лондонскому, в которой изложила «правила морского нейтралитета» для «охранения свободы морской торговли»⁶³. Насколько декларация отвечала общей потребности, видно из того, что все нейтральные державы присоединились к ней: Дания и Швеция, Австрия и Пруссия, Португалия, королевство Обеих Сицилий; даже Англия должна была уступить, и тайные инструкции, данные ею своим крейсерам и каперам, были согласованы с декларациею, так что «к концу войны каперы почти совершенно исчезли, и торговля нейтральных процветала в самом разгаре войны, как бы среди глубочайшего мира».

Великая, гуманная идея, положенная в основу вооруженного нейтралитета, — обеспечить невоюющим блага мира — всецело принадлежит Екатерине II. Враги великой императрицы, не только чужие, но и свои, не только прежде, но и теперь, не понимая ее высокого государственного ума, оспаривали и оспаривают у нее честь создательницы этого «чуда», по отзыву Фридриха II⁶⁴. Это «чудо» приписывали графу Панину, то самому же Фридриху. Екатерина категорически опровергала эти нелепые догадки. «Это неправда — вооруженный нейтралитет вышел из головы Екатерины II и ничьей другой. Граф Безбородко может засвидетельствовать, что в одно прекрасное утро эта мысль была высказана императрицей как бы по вдохновению. Граф Панин не хотел и слышать об этом, так как мысль эта не принадлежала ему, и стоило большого труда уяснить ему самую мысль; это было поручено Бакунину, и затем уже Панин приложил свое старание»⁶⁵.

В последние годы своей жизни Екатерина II проявила по внешним именно делам такую мощь духа, такую «неустрашимую твердость», которая обеспечила за Россию первенствующее значение в Европе.

Союз России с Австриею изменил все «политические конъюнктуры» Европы и вызвал такие дипломатические «посрамления», которые угрожали обоим императорским союзникам несравненно большими опасностями, чем война с Портою Оттоманскою, ради которой состоялся австро-русский союз. Вслед за войной турецкой, Англия и Пруссия подвигли короля шведского Густава III начать войну с Россиею, и в то время, когда Россия должна была воевать на два фронта, с турками на юге и со шведами на севере, Пруссия угрожает Австрии второю войною. Пруссия вооружается и поднимает Польшу против России и Австрии; Англия платит субсидии Густаву III и готова отправить свой флот в Балтику. Дошло до того, что граф Кауниц предлагал Иосифу II отказаться от земельных приобретений по первому разделу Польши, а князь Потемкин советовал Екатерине II возвратить туркам Крым и заключить союз с Пруссиею и мир со Швециею. Положение было очень серьезное, даже критическое, и только твердость императрицы спасла «честь и целость» империи.

«На оставление Крыма, — писала императрица князю Потемкину, — воля твоя, согласиться не могу: об нем идет война, и если сие гнездо оставить, все труды и заведения пропадут и паки восстановятся набегии татарские на внутренние провинции. Ради Бога, не пущайся на сии мысли, кои мне понять трудно. Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с оногo, чтобы держаться за хвост?»⁶⁶ Относительно же союза императрица высказала ему такое мнение: «Я начинаю думать, что нам всего лучше не иметь никаких союзов, нежели переметаться то сюда, то туды, как камыш во время бури. Сверх того, военное время не есть период для сведения связи. Я к отмщению не склонна, но что чести моей и империи и интересам ее существенным противно, то ей и вредно; провинцию за провинцию не отдам; законы себе предписать кто даст? Они дойдут до посрамления, ибо никому подобное никогда еще не удавалось. Они позабыли себя и с кем дело имеют; в том и надежду дураки кладут, что мы уступчивы будем. Возьми Очаков и сделай мир с турками, тогда увидишь, что осядутся, как снег на степи после оттепели, да поползут как вода по отлогим местам»⁶⁷.

Поэтическое сравнение Екатерины оправдалось: правда, оттепели пришлось ждать три года, но оттепель пришла, и все прусские и английские посрамления расплозлись, как весенняя вода по отлогим местам. 3 августа 1790 года заключен верельский мир со Швециею, пал Очаков, пал Измаил, и 11 августа 1791 г. подписаны в Яссах прелиминарии мира с Турциею.<...>

Верхом дипломатического искусства является положение, занятое Екатериною относительно большой французской революции. Как императрица, обладавшая высоким государственным умом, она обвиняла королевскую власть во Франции в крайней слабости, не сумевшей своевременными реформами предупредить самую возможность революционного движения; как монархиня самодержавная, она не только не признавала этой революции, она даже не понимала ее смысла. Никто не говорил более Екатерины против французской революции и никто менее Екатерины не сделал для противодействия ей. Она находила, что весь этот переворот не стоит «капли русской крови», и если поддерживала принцип власти, то лишь мерами, не наносившими России никакого ущерба; но в то же время Екатерина воспользовалась в полной мере замешательствами, вызванными в Западной Европе французскою революциею, для достижения ближайших реальных выгод в чисто русских интересах.

Говорят и повторяют, будто большая французская революция заставила Екатерину отречься от своих идеалов и обратиться против французского народа, который она так долго боготворила, и против своих же учителей, французских философов; уверяют даже, будто «при первых же раскатах революционного грома» Екатерина приказала убрать с ее глаз бюст Вольтера. Трудно себе представить что-нибудь более несправедливое и неосновательное. Какою Екатерина была до революции, такую же осталась она и после революции. Кто из французских «философов» был ее учителем? Не Руссо, конечно, которого она не выносила за его проповедь превосходства нравственного воспитания пред развитием умственных способностей, и на борьбу которого с культурою смотрела, как на богомерзкую ересь против религии века. Во французской революции Екатерина видела движение, прямо противное духу Вольтера и философов. «Что же сделают французы, — писала она в 1790 году, — с своими лучшими писателями, которые все, и даже Вольтер, реалисты, все проповедают порядок и спокойствие? Сожгут ли французы произведения своих философов? Если же не сожгут, то почерпнут из этих произведений принципы, противоречащие их системе». Через три года, в 1793 году: «Итак, в конце XVIII столетия стало, кажется, заслугою убивать людей, и меня хотят уверить, будто Вольтер проповедывал убийство — вот как дерзают клеветать на людей». На заявление, что учение французских философов подготовило революцию, Екатерина возражала: «Французские философы впали, быть может, в одну только

ошибку — они полагали, что проповедают людям с добрым сердцем и доброй волей»⁶⁸. В чем же революция изменила взгляд Екатерины на философов?

Не философов, короля Людовика XVI обвиняла Екатерина II за революцию, которой совершенно не понимала и, как самодержица, не могла понимать. «Какой же Людовик XVI король! Он всякий вечер пьян и им управляет кто хочет — Бретейль, принц Конде, граф Артуа, наконец, Лафайетт»⁶⁹. Получив известие о новой французской конституции, Екатерина писала: «Ну вот, Людовик XVI вlepил-таки свою подпись под эту нелепой конституцией и спешит принести присягу, которой, конечно, не сдержит. Кто эти бессмысленные люди, заставляющие его делать подобные глупости? Это ведь значит ронять себя, унижаться, делать себя презренным:

*Renoncer aux dieux, que l'on croit dans son coeur
C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur»*⁷⁰.

С государственною прозорливостью, ее отличавшею, Екатерина еще к 1789 г. предсказала, что Людовика XVI постигнет участь Карла I⁷¹.

Французская революция ширится и растет; ее идеи распространяются с необыкновенною быстротою, ее задачи усваиваются с поразительною легкостью. Французская «эпидемия», как называла ее Екатерина, заражает всех. Ее «внутренние противники», эмигранты, рассеивались все далее и далее от пределов Франции. Савойя, Швейцария, Люксембург и Бельгия были первыми этапами эмиграционного движения; только позже, потеряв уже надежду на скорое возвращение, эмигранты появляются в Англии, Австрии, в Польше и, наконец, в России. Екатерина одних принимает в русскую службу, другим оказывает денежную помощь, всем сочувствует, громко заявляет о необходимости составить коалицию для восстановления монархической власти во Франции, пишет в этом смысле в Вену, Берлин и Стокгольм, всем обещает свое «скорое и деятельное участие», но войск своих против «французских мошенников» сама не посылает и другим не дает. Когда прусский король просил оказать ему союзную помощь, хотя бы только 2000 казаков, Екатерина отказала; подобный же отказ был сообщен и в письме к английскому королю. Почему?

Екатерина вполне спокойна относительно России — французская «эпидемия» ее не заразит. Императрица думает и заботится, прежде всего, о России; Франция ее нимало не беспокоит и очень мало интересует. У нее свои дела, свои заботы — война

с Турцией, нелады с Пруссией и Англией, счеты с Польшею, столкновение с Швециею. До Франции ли ей! Но «французский пожар» вспыхнул, и было бы большою ошибкою не воспользоваться им. Екатерина такой ошибки не сделает: все заинтересуются пожаром и не будут мешать ей. «*Je me casse la tête, —* говорит она своему секретарю, чтоб подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские. Прусский бы пошел, но останавливается венский. — *Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches.* У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтоб они были заняты и мне не мешали»⁷².

В течение первых семи лет французской революции, совпадающих с последними годами жизни Екатерины II, Россия вела две войны, до 1790 г. со Швецией, до 1791 г. с Турцией, с 1791 года по 1795 год происходили разделы Польши, в 1795 году началась война с Персиею. Вот те существенные, реальные интересы России, которые Екатерина ставила на первый план и которые в ее глазах были несравненно важнее всех революций на далеком Западе.

Всегда и во всем, в делах внутренних, как и внешних, одно стремление, одна цель — «дело строения земли Русской», реальные интересы России, которой Екатерина посвятила всю свою жизнь. Благодаря ее «долговременной службе государству», Россия в 34-летнее царствование Екатерины не только окрепла и возмужала, но культивировалась и просветилась. Европа не чуждалась уже России, но искала союза с нею, и в русских людях не видела уже москвитов, *rien du Sarmate et du Goth*⁷³. Все это, конечно, лишь относительно, лишь сравнительно, но этим мы обязаны всецело Екатерине.

И этой-то Екатерины II мы до сих пор не знаем. Мы лишены возможности нарисовать ее правдивый портрет. Как бы предугадывая затруднения за сто лет вперед, Екатерина и в этом помогла нам, набросав «приблизительно» свой портрет в 1791 году, за пять лет до своей кончины, когда ей шел уже 62-й год.

«Я никогда не считала свой ум творческим; я встречала много людей, в которых находила, без зависти и ревности, более ума, чем в себе. Руководить мною всегда было очень легко — достаточно было представить мне лучшие и более основательные мысли, чем мои, и я становилась послушна, как овечка. Причина этого кроется в сильном желании, которое я всегда имела, содействовать благу государства. Мне посчастливилось узнать благие и истинные принципы, чему я и обязана большими успехами. Я имела неудачи, проистекавшие от ошибок, в

которых я лично неповинна и которые, быть может, случились только потому, что мои распоряжения не были точно исполнены. Несмотря на всю гибкость моей натуры, я умела быть упряма или настойчива, как хотите, когда мне казалось, что это необходимо. Я никогда не стесняла ничьего мнения, но при случае держалась своего собственного. Я не люблю споров, так как всегда замечала, что всякий остается при своем убеждении; к тому же я не могла бы никого перекричать. Никогда не была я злопамятна. Провидение поставило меня так высоко, что, взвесив все по справедливости, я не могла меряться с частными людьми и не находила равной себе партии. Вообще, я люблю справедливость, но держусь того мнения, что безусловная справедливость не есть справедливость, и что лишь условная справедливость совместна с слабостью человеческой. Но во всех случаях я предпочитала человеколюбие и снисходительность правилам строгости, которую, как мне казалось, часто дурно понимают. К этому привело меня мое собственное сердце, которое я считаю нежным и добрым. Когда старики проповедывали мне суровость, я, заливаясь слезами, признавалась в своей слабости и видела, как они, со слезами же на глазах, присоединялись к моему мнению. Я по природе своей весела и искренна, но я долго жила на свете и знаю, что есть желчные умы, не любящие веселости, и что не все способны терпеть правду и откровенность»⁷⁴.

В этой автобиографической заметке много характерных черт, но особенно интересна последняя, о правде и откровенности. Эта важная черта для человека вообще приобретает особенное значение для государя, тем более самодержавного, как Екатерина II. Еще ребенком ненавидела она ложь и обман. «Самую мерзкую из всех ролей мне всегда казалась роль обманутой; бывши еще ребенком я горько плакала, когда меня обманывали»⁷⁵, — писала Екатерина. В своем Наказе она категорически заявляет: «Ложь изо всех вреднейший есть порок». Если же обманывали, если ее именем злоупотребляли, это вредное и злое неудобство должно быть отнесено к особенностям не ее личности, а того принципа, который она представляла. Современник Екатерины, ею вполне уважаемый и высоко ценимый, свидетельствует: «Императрица должна поневоле верить, что города, для которых отпущены ею громадные суммы, уже застроены, между тем, как нередко встречаются города без улиц, улицы без домов, дома без крыш, дверей и окон»⁷⁶.

Все это необходимо иметь в виду для правильной оценки императрицы Екатерины II и еще более, быть может, нужно

принимать в соображение, что «не все политические пороки суть пороки моральные и не все пороки моральные суть политические пороки», как императрица сама начертала в своем знаменитом Наказе.

Современники, свои и чужие, не только видевшие Екатерину, но и знавшие ее, сходятся в своих отзывах об императрице. Человек вполне русский, свободомыслящий и правдивый князь Ф. Н. Голицын, видевший Екатерину живою и мертвою, так записал свое о ней суждение: «Екатерина II была необыкновенная монархиня. Превосходное ее понятие, точность и справедливость в рассуждениях, большая память и дар объяснять свои мысли самым лучшим и ясным образом, с прочими всеми приятностями женского пола, а при этом, когда ей надлежало, имела самый величественный вид, умела себя воздерживать в первом движении и властвовала во многом собою. Об ней говоря, можно смело сказать, что имела все достоинства, составляющие великого государя»⁷⁷. Иностранец, последний из версальских петиметров, князь Де-Линь нарисовал восторженный «портрет Екатерины II», во многом подтверждающий и автобиографическую заметку, и суждение князя Голицына. Отзыв его, как иностранца, замечателен именно тем, что основан на чувствах русского народа к своей матушке-государыне. Вот что, между прочим, записал князь Де-Линь при первом известии о кончине Екатерины II: «Клевета, вырвавшая цветы с могилы Марии-Антуанеты, захочет, быть может, вырвать и лавры с могилы Екатерины Великой. Самозванные собиратели анекдотов, памфлетисты, историки-дилетанты, люди пустые, злонамеренные или коварные захотят, быть может, умалить славу Екатерины — это им не удастся, и она восторжествует, благодаря тому, что я сам видел, путешествуя с нею по России: благодаря любви и восторгу ее подданных, ее народа»⁷⁸.

Все лица, русские и иностранцы, видевшие и говорившие с императрицею Екатериною, были в восторге от ее любезного приема, были обворожены ее простым обхождением. Между тем, сама Екатерина находила, что много теряет при ближайшем знакомстве с нею: *je ne suis bonne qu'à être vue de loin* *, не раз писала она. Издалека, на расстоянии ста лет, императрица Екатерина II представляется женщиною привлекательною, правительницею мудрою, государынею великою. Немка по рождению, она проводит в политике внутренней и внешней чисто русские интересы; лютеранка по вере, она является защит-

* я хороша для тех лишь, кто зрит меня издали (фр.).

ницей православия; мелкая немецкая принцесса, она широко раздвигает пределы Российской империи и продолжает внутреннюю политику Петра I в смысле распространения европейской образованности среди полуазиатского русского общества. Она пишет законы, создает промыслы, развивает торговлю, организует войско, просвещает народ и, минуя «родную» Германию, протягивает руки к французским философам, «обкрадывая» Монтескье, переписываясь с Вольтером и Даламбером, призывая в Петербург Фальконета, Дидро и других многих. Всегда и во всем одна задача, одна цель: польза России, благо русского народа — польза реальная, благо практическое.

Реализм, как во внутренней, так и во внешней политике — основная черта государственного характера Екатерины. Будучи великою княгиней, она много читала, знакомилась со всевозможными теориями; став императрицей, она обращает преимущественно внимание на практику. Она не против теоретических мечтаний какого-нибудь Дидро или Даламбера, но ей дороже чувствительная шкура русского человека. Чтобы узнать Россию, она не только созывает выборных со всей империи, но сама путешествует и снаряжает экспедиции в наименее исследованные окраины государства. Она плавает по Ладожскому каналу, по Волге и по Днепру, ездит в Прибалтийские провинции и в Финляндию, в Белоруссию и в Крым, все хочет сама видеть, сама узнать; она посылает Палласа и Гмелина⁷⁹, Лепехина⁸⁰ и Крашенинникова⁸¹, Миллера, Фишера⁸², Лаксмана⁸³ и др., желая получить сведения о природе и людях земель отдаленных, но, подобно ближайшим, ожидающих от нее великие и богатые милости. В борьбе с монополиями, в заботе о ценах на хлеб, в преследовании лихоимства — всегда она избирает реальные средства и преследует практическую цель. Ей предлагают учредить университет, она основывает технические училища — горное, лекарское, водоходное, и покрывает Россию сетью народных училищ. <...>

У императрицы Екатерины II были недостатки, были даже пороки, но и они свидетельствовали о величии ее духа, напоминая подобные же черты Ивана Грозного и Петра Великого. Екатерина чрезвычайно просто и верно определила общую точку зрения в этом отношении: *nous sommes hommes avant que d'être cecis ou cela* *. Беспорочных людей не бывает, государи же судятся по их государственным делам, в которых все частное, личное

* прежде всего мы люди, а потом уж все остальное (*фр.*).

отпадает, забывается: остается только общее, всенародное, с чем государи и переходят в память народную, в историю.

Ни один из государей русских, кроме Петра I, не удостоился такой высокой похвалы в нашей народной поэзии, как Екатерины II. Смерть ее произвела большое впечатление на народ, который любил вспоминать свою «матушку-государыню» и возносить к ней свои взоры в тяжкие годы жизни:

Подымитесь, ветры буйные,
Разнесите все желты пески,
Распахнися шелкова парча,
Разломися гробова доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная государыня
Катерина Алексеевна!
Без тебя нам жить похужело
Всему царству почежелело.

Глас народа — глас Божий. По смерти Екатерины народу «жить похужело», хотя и при ней у этого народа, по его же свидетельству, «босоты да наготы изнавешаны шесты, а холоду да голоду амбары стоят»; по смерти Екатерины «всему царству почежелело», так как с нею закончился период государственных реформ, закончился надолго, вплоть до императора Александра II, продолжавшего славный труд Петра и Екатерины II.

